

Балтская гидронимия Сибири и Урала

Федченко Олег Дмитриевич

Брянск

Независимый исследователь

Аннотация

Статья посвящена лингвистическому анализу гидронимов Сибири и Урала. Рассматривается происхождение названий рек региона. Произведена систематизация гидронимов, получивших имя в балтской языковой среде. Названия рек имеют этимологию, родственную таким понятиям, как река, русло, поток, течение. Предложенная статья дает возможность уточнить археологические и исторические аспекты жизни древних людей. Предложена схема миграции первых индоевропейцев в Европу. Высказано мнение, что балтоязычные племена были первым населением на территории Сибири до появления там финноугорских и тюркских народов.

Ключевые слова: гидронимы, этимология, балтизмы, Сибирь, Урал, Иртыш, Обь, Енисей, Байкал, индоевропейцы.

Baltic hydronomy of Siberia and Urals

Fedchenko Oleg Dmitrievich

Bryansk

independent researcher

Abstract

The article is devoted to linguistic analysis of the hydronyms of Siberia and the Urals. The origin of the names of the rivers of the region is considered. The taxonomy of the hydronyms that have received a name in the Baltic language environment is systematized. The names of the rivers have an etymology related to such concepts as a river, channel, stream, flow. The proposed article makes it possible to clarify the archaeological and historical aspects of the life of ancient people. A scheme of migration of the first Indo-Europeans to Europe is proposed. The opinion was expressed that the Baltic-speaking tribes were the first population on the territory of Western Siberia until the appearance of Finno-Ugric and Turkic peoples there.

Key words: hydronyms, etymology, Baltism, Siberia, the Urals, Irtysh, Ob, Yenisei, Baikal, Indo-Europeans.

В 70-е годы прошлого столетия А. П. Дульзон отмечал: «До недавнего времени данные топонимики часто использовались для решения задач историко-этнографического характера без необходимого научного обоснования... При использовании топонимов не следует забывать, что они

всегда составляют разряд слов определенного языка, и поэтому вполне надежный их анализ возможен только при точной лингвистическо-географической локализации каждого топонима. Анализ названия должен начинаться с определения языковой принадлежности исходной формы» [2]. Однако первым условием все-таки должно оставаться понимание того, что изучается. Чтобы определить этимологию гидронимов, требуется не только созвучие корней слова в той или иной языковой среде, но и его смысловое содержание. Так, термин «река́» определяет природный водный поток (водоток), текущий в выработанном им углублении. Если мы обратимся к этимологии слова «река», то выясним, что в основе лежит индоевропейский корень *rei-* со значением царапать, рвать, резать [15, с. 857-859]. Можно посмотреть и на *русло*, которое наряду с глаголом *течь*, также сопоставляется с понятиями *рыть*, *рушить*, *бить*, *ров* и т. п.

Таким образом, название реки должно отражать характеристику русла и потока, выражающего движение. Схематично это можно представить следующим видом: река – поток – движение – глагол – (образ) – гидроним.

Анализ географических названий Сибири и Урала позволяет нам выделить целый ряд четко выраженных топонимических ареалов иноязычного происхождения; часть из них замкнута, а другая часть выходит за пределы этой территории.

Ранее были изучены гидронимы европейской России, Поволжья, Русского Севера, которые указывали, что балтоязычные названия рек могут иметь продолжение и за Уралом, в Сибири [8; 9; 10]. Поэтому посмотрим этимологию наиболее крупные рек региона, названия которых более устойчивы во времени и определяют пути миграции в пространстве. В объяснении значения гидронима приводится глагол неопределенной формы с формой настоящего времени 3-го лица единственного числа.

І. Западная Сибирь и Урал

Алей – левый приток Оби в Алтайском крае. Е. М. Поспелов отмечает, что гидронимы с корнем *al-* не имеют объяснения в известных языках [6, с. 29]. Между тем, данный корень широко распространен в балтийской гидронимии [7, т. 1, с. 71; 17, с. 38-39]. Происхождение рассматриваемого гидронима может быть связано с глаголом *aléti, āli* – течь, двигаться, бежать (спотыкаться), точить [16, с. 9-10; 14].

Бия – правый приток Оби в Алтайском крае. Предполагается, что в основе лежит самодийское слово *би* – река, или негидальское *бия* – река [6, с. 69-70]. Однако, можно предположить, что этимология гидронима восходит к индоевропейскому корню *bhei-* с первоначальным значение «бить, колоть» [7, т. 1, с. 220; 13, с. 129-130], реализованном в глаголе *bijóti, bijo* – бояться, вилять (петляет, как заяц – образ; в то же время, в продолжение ряда К. Карулис ставит и *bite* – пчела, расширяя набор значений до «жалить, увиливать, махать»), поднимать [14]. Гидронимы *Vijotas, Vijunas* и другие можно встретить в балтийском регионе [17, с. 63], а также родственные, например, Буй (приток Вятки), Битюг (приток Дона).

Вах – правый приток Оби. Гидроним соотносят с обско-угорским термином *ax/jax/axm* – река [6, с. 90]. Между тем, в литовской гидронимии встречаем *Vag-upis* и другие однокоренные названия [17, с. 358]. Происхождение может быть связано с известным *vagà* от глагола *vagóti*, *-ója* – делать борозду, накапливать, месить, резать [16, с. 711; 14]. При этом, *-x* является графическим отражением диалектной придыхательности *-g*.

Воркута – правый приток Усы (бассейн Печоры). Происхождение принято связывать с ненецким *варк* – медведь, т.е. изобилующая медведями река» [6, с. 104]. Однако, медведь – это животное, но не характеристика реки (да и не может медведь быть в реке, чтобы она ими изобиловала). Таким образом, очевидно, что мы имеем дело с огласовкой более древнего названия. В литовской гидронимии распространен корень *urk-/verk-/virk-* [17, с. 355, 373, 387], который выводит нас на балтский глагол *veĩkti* и самые разнообразные его вариации (например, *verkúoti*, *-úoja*; *vėrkauti*, *-auja*) с общим значением лить, течь (слезы – образ) [16, с. 737; 14].

Иртыш – левый приток Оби. При всем многообразии предложенных версий происхождения этимология гидронима остается неопределенной. Популярной стала гипотеза об ирано-кетском конструкте: иранское *ir* – быстрый, стремительный и тюркоизированное *цис* от кетского *сес* – река [6, с. 173]. Однако, также как и для башкирского йиртыш – рвущий, понятие «стремительный, бурный» не соответствуют характеристике спокойной, равнинной реки, которой является Иртыш [5, с. 163]. Здесь стоит отметить, что в ранних источниках река упоминается как Эрдыш/Ирдыш [1, с. 111]. Тогда можно предположить, что в основе гидронима лежит производная балтского глагола *ĩrti* - *ėrdėti*, *-ėja* (*-i*) - расплзаться, продвигаться с трудом, исчезать, разрушать и т. п. [14]; другая степень вокализма – *ardyti* [16, с. 224] и древне-тюркская огласовка *Ārtiř*. Реки с корнем *Ir-/Irt-/Ard-* широко распространены в балтийском регионе [7, т. 1, с. 101; т. 3, с. 70; 17, с. 46, 130]. Тот же корень *ir-* с расширителем *-k-* (например, архаичные глаголы *irkúoti*, *-úoja*; *irĩkoti*, *-ioja* – хлестать (*muřti*), разъедать, поглощать, извиваться [14]) определяет и этимологию гидронима **Иркут**, левый приток Ангары.

Ишим (казахское *Есіл*) – левый приток Иртыша. Хотя происхождение связывают с тюркским антропонимом [6, с. 175], этимология гидронима все-таки остается загадочной [5, с. 164]. Можно принять во внимание замечание историка Ардака Есжанова, который полагает, что Есиль и Ишим – топонимические названия разных эпох: «Первое — более старое — означает «голубая», а второе идет от имени казахского хана» [3]. Вместе с тем, в литовском регионе встречаем реку *Įsele* [17, с. 132]. Тогда происхождение рассматриваемого гидронима может быть связано с глаголом *ansála*, в котором первый компонент представлен диалектным префиксом *ĩ-*, корень – от глагола *sálti*, *sála* – течь, струиться [11, с. 368; 14], восходящего, по мнению Р. Дерксена, к глаголу *selėti*, *sela* – незаметно ползти, двигаться [11, с. 393] и имеющими общий индоевропейский корень *sel-* [15, с. 899-900].

Катунь (южноалтайское *Кадын*) – левый приток Оби в Алтайском крае. Не имеет удовлетворительной этимологии, сопоставляются

распространенные в Сибири и на Севере гидронимические корни *кат-/хат-* и предполагается наличие соответствующего древнего, ныне утраченного, термина «река» [6, с. 194; 5, с. 184]. Между тем, на севере литовской гидронимии встречаем реку Ketunka с топонимом Ketunai, а также Katin-upis и другие [17, с. 149, 154]. Можно предположить, что этимология восходит к равным по значению глаголам *kedėnti/kedinti/katėnti/katinti*, *-ėna/-ina* – точить, расстраивать, трепать, ерошить, хлестать (*pašyti, ardyti, purenti, taršyti*) [14]. Выходит, что первоначальная огласовка была Кадын, затем уже славяне адаптировали под свое слово *катунь* – стан, лагерь.

Кеть – правый приток Оби. Некоторые исследователи неверно связывают происхождение с этнонимом, другие обоснованно это отвергают [5, с. 189; 6, с. 198]. Тем временем, в балтийском регионе отмечается распространение в топонимике и гидронимии корней *кайт-/кейт-/кет-*, при этом имеются трудности с их объяснением [7, т. 3, с. 158, 300, 340]. Этимология данных гидронимов восходит к глаголу *kēsti, kēčia (kētóti, -ója)* – раздвигать, махать, утопать, изливаться [14], что вполне соответствует характеристике реки с широкой долиной, обширной поймой с заболоченной местностью. Кстати, аналогичную этимологию имеют и реки Красноярского края Хета.

Конда – приток Иртыша. Имеет много тезок в гидронимии Сибири и Севера. Происхождение пытаются связать с южно-самодийским *кундо* – длинный, или северо-русским диалектным *конда* – мелкослоистая смолистая сосна, растущая на сухом месте; песчаный возвышенный берег [5, с. 203; 6, с. 213]. Впрочем, признается, что гидроним не имеет удовлетворительной этимологии [4, с. 134-135]. В то же время, рассматриваемое название может восходить к глаголу *kąsti, kanda* – раскалывать, резать, поглощать [14]. Семантическую близость имеет гидроним Кондас, приток Камы.

Лозьва – левая составляющая реки Тавда. Как отмечает А. К. Матвеев, при казалось бы удачном объяснении из коми-пермяцкого *лöz* – синяя и *ва* – вода, трудности возникают при мансийском названии Луссум, не имеющем значения [4, с. 158]. В то же время, *Lūš-upis* и другие встречаются в литовской гидронимии [17, с. 200]. Этимология рассматриваемого гидронима восходит к глаголу *lūsuoti, -uoja* – бежать, двигаться, изгибать, ковылять, вилять, крутиться [14].

Обь – река протекает в Западной Сибири. Приоритетной выступает версия иранского происхождения от слова **ap* – вода, река, остальные гипотезы еще более слабы [4, с. 198; 5, с. 302; 6, с. 306]. Однако, непонятным остается, как иранцы добрались до низовья Оби, где, по мнению исследователей, русские и узнали название реки. Кроме того, абстрактное понятие «вода» не может служить само по себе характеристикой реки (например, ханты-мансийское *Ас* или селькупское *Колд* указывает, что это «большая река»). Поэтому, соглашаясь с индоевропейской основой, которая представлена корнем *ub-* «толкать, двигать, волочить, выдавливать, выжимать» [15, с. 1103), можно предположить этимологию из глагола *ũbyti (ũbyti), -ija (-yja)* (в одном ряду *ũbti (ũpti), -ia*) – хлестать (*mušti*), ухать, стонать [14]. Именно, данный корень лег в основу известного

литовского/прусского понятия *ure/are* – река. В таком случае разрешается и появление восточно-балтского *u-*, происхождение которого оставалось непонятным исследователям [11, с. 483]. Соответственно, в литовской гидронимии встречаем речные корни *Ub-/Up-* и в прусской *Ar-* [7, т. 1, с. 98-99; 17, с. 351, 354].

Омь – правый приток Иртыша. По мнению исследователей, происхождение гидронима связано со словом барабинских татар *ом* – тихая [5, с. 309; 6, с. 310]. Однако, этимология может восходить к балтскому глаголу *iĩti, ĩma (ẽma)*, имеющему широкий спектр значений, - хлестать, тянуть, вырезать, двигаться и т. д. [14]. Из родственных гидронимов, но с другим вокализмом, можно назвать, например, Нем (приток Вычегды), Немда (правый приток Пижмы; левый приток Вятки).

Пелым – левый приток Тавды. Этимология не установлена [6, с. 324], возможно, домансийское название [4, с. 211]. В то же время в литовской гидронимии встречаем реки *Pylimas* и *Polymas*, которые Смочинский соотносит с балтским глаголом *pĩlti, -a (-ia, pēla, pilu, pilių)* – лить, двигаться, паршиветь, бороздить, хлестать [16, с. 459-460, 477; 17, с. 259, 263: 14]. Отсюда и мансийская огласовка Полум.

Пур – впадает в Тазовскую губу Карского моря. Происхождение соотносят с реконструируемым из финноугорских языков понятием «река», написанием которого в современном финском языке осталось *puro* – ручей [6, с. 344]. Между тем, в литовской гидронимии встречаем немало однокоренных названий – *Pūr-upis* и другие [17, с. 269]. Вероятно, мы имеем дело с глаголом *pũrti, pũra* – ерошиться, разливаться, двигаться, становиться рыхлым [14].

Сосьва – правый приток Тавды (бассейн Тобола). Исследователи предлагают в качестве происхождения язык коми: *sos* – рукав и *ва* – река, т.е. рукав реки [6, с. 375]. Между тем, рукавами являются все реки и, следовательно, данный термин не может характеризовать ту или иную реку. В то же время, в литовской гидронимии мы находим реки *Šušva, Šiušve* и другие однокоренные [17, с. 336]. Тогда этимология может восходить к глаголу *šušuoti, -uoja* – двигаться, извиваться, струиться [14].

Тавда – левый приток Тобола. Происхождение связывают с мансийскими *таут* – рукав [6, с. 406), или *тавт* – гарь [5, с. 403]. Понятно, что гарь не имеет отношения к характеристике реки, как и рукав (дополнительно см. Сосьва). В то же время, «рукав» в мансийском языке может звучать, как *тайт, тагт, таут, таыт, тыут* [4, с. 252; 6, с. 406]. С другой стороны, имеем названия литовских рек *Tautinys, Tut-upis* и подобных [17, с. 342, 350]. Вероятно, в основе рассматриваемого гидронима лежит балтский корень *tu-/tũ-* и далее в *tau-*. Тогда этимология может восходить к глаголу *tutėti, tũta* (продолжая семантический ряд *tũtyti; tautėti; taũsti*, включая *čĩaudėti, -i (-ėja, -a)*) [12, с. 86-87, 90-91]) – течь, метаться, суетиться, кропотливо работать, переполняться [14], что соответствует характеристике сильно извилистой реки с широким руслом и высоким продолжительным половодьем. Звучание *t/d* могло быть диалектным (например, в ятвяжском

встречаем *taud/tauta* [18, с. 80]), а звук *-и-* как раз и дает вариативность, отмечаемую в мансийской огласовке.

Тагил – правый приток Туры в Свердловской области. Приоритетной признается обско-угорская версия из хантыйского *taget* и южномансийского *tagil* – рукав, протока, приток, а также хантыйское *тягыл* – речка, протока [4, с. 263]. Однако объяснение сомнительно в силу того, что все реки являются протоками и притоками. Этимология гидронима может восходить к глаголу *čëglyti (čãglyti)*, *-ija* – резать, двигаться, покачиваться, крошить [14], что объясняет и старинную огласовку Тагиль.

Таз – река протекает по территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Происхождение связывают с ненецким *таз, тасу* – нижний и *ям* – большая река [6, с. 406]. К сожалению, исследователи не приводят систему координат, в которой ориентировались ненцы, чтобы уяснить, какая река нижняя, средняя или верхняя. Т. е., вероятнее, что мы имеем дело лишь с огласовкой более древнего гидронима. Можно предположить, что в основе лежит глагол *tašyti, tãšo (tãšau)* – вырезать, рассекать, хлестать, поглощать, двигаться [14].

Тобол – левый приток Иртыша. Удовлетворительной этимологии не имеет [Никонов, с. 422], предлагаемое происхождение от антропонима Тоболака [6, с. 418] не состоятельно. Между тем, в литовской гидронимии и топонимике имеются *Tabolis* и другие однокоренные названия (встречается Табола, приток Дона), при этом А. Ванагас связывает происхождение имени реки с глаголом *tàbaloti, -oja* – метаться в стороны, биться, колыхаться, волноваться [17, с. 338-339; 14].

Томь – правый приток Оби. Предлагается кетское слово *тума* – темный, а также тюрко-монгольское *том* – большой [6, с. 419]. Однако, В. А. Никонов отмечает, что гидроним не имеет убедительной этимологии [5, с. 421]. Тогда как, в литовской гидронимии мы находим реку *Tumeja*, этимология которой, по мнению А. Ванагаса, связана с глаголом *tumėti, tuma (-ėja)* – тесниться, сливаться, взбиваться, набухать (образ – пчелиный рой) [16, с. 694; 17, с. 349-350; 14]. Другая степень огласовки присутствует в гидрониме **Тым**, правый приток Оки в центральной части Западно-Сибирской равнины. Встречается «родственное» название и в Подонье – река Тим, приток Быстрой Сосны.

Тура – левый приток реки Тура. Убедительной этимологии нет, возможно, имеем дело с древним дообско-угорским и дотюркским названием [4, с. 279; 6, с. 95]. В то же время в литовской гидронимии немало рек *Ture, Tūr-upis, Taure* и другие [17, с. 342, 350]. Происхождение названия может быть связано с глаголом *tūryti (tũryti)*, *-ija* – гнать, двигать, нести [14]. Этим объясняется и татарская огласовка *Туре* и мансийская - Тээр, Тэрэ-я.

Тюменка – правый приток Туры. Название остается нераскрытым [5, с. 432]. Этимологию гидронима можно связать с производным от глагола *temti - tēminti, -ina (teminėti, -ėja)* – мутить, темнеть, слабеть, кружить [14]; *-ка* – славянский компонент, указывающий на уменьшительное значение. В

литовской гидронимии с учетом рефлекса *tim-/tum-* [16, с. 670] можно отметить реки *Temelys*, *Timenis*, *Tuminas* [17, с. 343, 345, 349].

Чулым – правый приток Оби. Этимологии, фактически, не имеет, предлагается с тюркского *чул* – вода, но *-ым* не объясняется [5, с. 473; 6, с. 466]. Вероятно, происхождение гидронима связано с глаголом *čiuļmyti, -ija* – поглощать, крутить, струиться [14] (отмечаем семантическую связь с гидронимом Тавда).

II. Восточная Сибирь

Алдан – правый приток Лены. Происхождение из тюрко-монгольского *алтан, алтын* – золото опровергается историческими данными [6, с. 28]. Пытаются связать с эвенкийским *олдо* – рыба, но рыба – атрибут всех рек и не может быть характеристикой какой-либо реки. Этимология гидронима может восходить к глаголу *aldinti, -ina* – хлестать (*mušti*), крутить, гнать [14]. В балтийской гидронимии встречаются названия с корнем *Ald-/Eld-* (*Aldikis* и другие) [7, т. 2, с. 24; 17, с. 38].

Амур – река на Дальнем Востоке. В качестве основы указывается общее для тунгусо-маньчжурских языков *амар* (большая река, устье) [5, с. 24; 6, с. 34]. При этом, отмечается, что у самих маньчжуров название реки Сахалин-Ула. Поэтому все-таки можно предположить, что мы имеем дело с огласовкой более древнего гидронима. Здесь интересным выглядит замечание Л. Д. Ришеса, что русские могли перенести название Амур с притока Эмери, у устья которого было основано первое поселение [5, с. 24]. Тогда этимология может восходить к глаголу *mūrti, -sta (mūra)* – рыхлеть, мочить, преть, вязнуть (идти ко дну), быстро двигаться, хлестать; первый компонент – префикс *i-* [14].

Ангара – правый приток Енисея. Лингвисты пытаются объяснить происхождение от эвенкийского, бурятского *анга* – пасть животного (правда, в Амге это понятие фигурирует, как устье реки) и, соответственно, моголо-тюркского *ангара* – разинутый, открытый, сопоставляя с русским термином устье [5, с. 25; 6, с. 35]. Между тем, корень *Ang-/Ung-* встречаем в балтийской гидронимии [7, т. 1, с. 89; 17, с. 42, 353]. Этимологию гидронимов связывают с понятием **angur* – угорь – река, богатая угрями, с дальнейшей семантикой *vingurys* – извилистый и т. д. Остается лишь уточнить, что этимология гидронима восходит к деривативу балтского глагола *vengti - viņgurti, -a* (крутить, искривляться, двигаться, размахивать) [16, с. 734-735; 14].

Аргунь (бурятская *Үргэнэ*, монгольская *Эргүнэ*, эвенкийская *Ергэне*) – правая составляющая Амура. Предполагается происхождение от монгольского *ёргун* или бурятского *ургэн* – широкая [5, с. 31; 6, с. 428]. Довольно трудно уловить ту грань, когда та или иная река шире или уже, поэтому сомнительна подобная характеристика одного водного объекта по отношению к другим. Скорее, этимология рассматриваемого гидронима связана с деривативом балтского глагола *vergti - vérginti, -ina* – хлестать,

резать, волочить, усердно работать [14]. Именно от этого и разнообразная огласовка: Ургену, Ергэнэ, Аргуна и т. п.

Виллюй (якутское Бүлүү) – левый приток Лены. В качестве обозначения реки предлагается характеристика местности от бурятско-монгольского *бюглюю* – глухая тайга [6, с. 98]. Еще хуже выглядит версия про реку-обменник от корякского слова *вил*, связанного с рыболовством и обменом [5, с. 83]. Между тем, в балтийском регионе имеется множество гидронимов с корнем *vel-/vil-* [17, с. 370-371, 382-384]. Происхождение рассматриваемого названия может быть связано с балтским глаголом *vēlti, vēlia (veliu)* (с корневым вокализмом *vil-* [16, с. 732-733]) – путать, двигать, усердно работать, тереть, хлестать, ерошить и т. д. [14].

Витим (бурятская Витим мурэн, эвенкийское Видым) – правый приток Лены. Предполагается дотунгусское происхождение, но этимология не определена [6, с. 100]. В то же время, имеем гидроним Ветьма (Вить) в Поднепровье и древне-прусский *Weytimis* [8, с. 180]. В свете эвенкийского названия Видым отмечаем аналогичное чередование в поднепровском бассейне – Витьба/Видьба. В таком случае, этимология может восходить к производным балтского глагола *vuti - vutyti, -ija/vydyti, -o* с общим значением валить, гнать, (сильно, резко) бить, точить и т. д. [16, с. 764; 14].

Енисей – впадает в Карское море. В основу названия предлагается эвенкийское *эне* – большая река, затем кеты дополнили своим *сес* – река, а русские, как обычно, ничего не смогли прибавить и усвоили лишь имевшийся конструкт Енисей [6, с. 151]. Однако этимология гидронима может восходить к архичной форме балтского глагола *eiti – eitis, einasi* – двигаться, колебаться, крошить, расширяться и т. д. [16, с. 144-145; 14]. При этом, курс на увеличение, расширение и изменение характера реки после устья Ангары показывает, что древние считали Енисей слиянием двух рек Кем (Хем) и Ангары. Гидроним Кем также широко распространен в балтском регионе [9: с. 28]. Глагол *eiti* с различными корневыми детерминантами нередко встречается в литовской гидронимии [17, с. 100]. Можно отметить и «родственную» реку **Яна**, в основе которой лежит тот же самый глагол *eiti, eina*.

Зея – левый приток Амура. Происхождение связывают с эвенкийским *дея, джеэ* – лезвие, хотя смысл и неясен [6, с. 163]. Вероятно, этимология гидронима восходит к глаголу *siēti, sieja (sēja)* – **связывать, переплетать, хлестать** (оставляя в поле зрения и глагол *sėti, sėja (sēja, sėju)* – лить, сыпать, двигаться, распространять) [16, с. 548; 14]. В литовской гидронимии данные корневые основы встречаем с другой степенью вокализма – *Seina, Sienis* и подобные [17, с. 293, 297].

Индиگیرка (якутская Индигиир) – впадает в Восточно-Сибирское море. Происхождение связывают с эвенкийским этнонимом *индиگیر* – люди рода инди [6, с. 170], что, в общем-то, не имеет отношения к характеристике реки. Этимология гидронима может восходить к форме балтского глагола *degiti - dėgurti, -a* со значением бежать, течь, тлеть [14]; первый компонент мог быть представлен префиксом *i-* (*in-*). Этим объясняется старорусское

звучание Индигер, Индигирь. Корень *deg-* широко распространен в балтийской гидронимии и Поднепровье [8, с. 183; 7, т. 1, с. 313-314; 17, с. 83].

Колыма (якутская Халыма) – река в Якутии, впадает в Восточно-Сибирское море. Хотя и предлагаются варианты от эвенкийского *кула* (склон берега) (название Кулу сохранилось за правой составляющей Колымы), корякско-чукотского *куул* (глубокая речка), однако этимология остается неизвестной [5, с. 201; 6, с. 210]. Между тем, гидронимы *Kul-upis*, *Kulme* и другие однокоренные широко представлены в литовском регионе [17, с. 170]. Этимология восходит к балтскому глаголу *kùlti, kulia (kuliu, kulū)* – хлестать, блуждать, истирать, разрушать, крутить, ныть, шуметь (равно *kalti, kelmėti, kulmóti*) [16, с. 250, 273, 322; 14].

Котуй – река в Красноярском крае, сливается с Хетой, образуя Хатангу. Этимология не известна. Этимология гидронима может восходить к глаголу *katóti, -ója* – хлестать (*mušti*), двигать (*eiti*) [14].

Лена (якутская Өлүөнэ (Ölүөнэ), Орюс, бурятская Зулхэ, эвенкийская Елюенэ) – впадает в море Лаптевых. Предлагается происхождение от эвенкийского диалектного *йэнэ/лэнэ* – большая река [6, с. 239]. К сожалению, авторы данной версии не приводят других гидронимов из того же диалекта, хотя протяженность Лены больше 4000 км, что позволяет усомниться в правильности рассматриваемой этимологии. Кроме того, мы возвращаем свой взор на выше рассмотренный гидроним Енисей, в котором корень *енэ* стоит на первом месте. Т. е. при, казалось бы, единой языковой группе нам предлагают две противоположных словообразовательных модели *Енэ-сэй* и *Елю-енэ*. Таким образом, можно утверждать, что мы видим лишь огласовку более древнего названия. Происхождение гидронима можно связать с балтским глаголом *liėti, liēna* – лить, течь, хлестать, сновать и т. п. [11, с. 384; 14]. Поэтому и огласовка корня Елюенэ более сложная, чем просто *-э-*.

Марха – левый приток Вилюя (в бассейне Вилюя встречается река Мархая, приток Чоны); левый приток Лены. Предлагается происхождение от эвенкийского махра – кустарник. Очевидно, что растительность не имеет отношения к характеристике реки и может указывать лишь на огласовку более древнего названия реки. Можно предположить, что в основе гидронима лежит балтский глагол *merkti, merkia (merkiu)* (в одном ряду *merkėti, -ia/-ėja; markyti, mařko; muřkti, -ia; miřkti*) – увлажнять, путаться, таскать (лить (дождь, слезы), горячиться и застревать (видимо, отмечаются пороги на вилюйской Мархе) [14]. Гидронимы *Merke, Markija* и другие однокоренные встречаются на литовской территории [17, с. 205, 212].

Мая (якутская Маайа) – правый приток Алдана; левый приток Уды; По мнению исследователей, происходит от эвенкийского *майа* — лабаз [6, с. 264]. Конечно же, лабаз слишком далек от характеристики реки и может указывать лишь на огласовку более древнего названия. Вероятно, в основе гидронима лежит глагол *mùiti, mùja* – двигаться, кружить, трудиться, слабеть (другая степень вокализма *móti, mója* с похожим значением, но иной эмоциональной окраской, – махать, валить, двигаться, трудиться, пробиваться) [14].

Олекма (якутское Өлүөхүмэ) – правый приток Лены. Не убедительно сравнивают с эвенкийским Олоохунай – беличья [6, с. 309]. Этимология связана с балтским глаголом *līkti* (*liēkti*, *liēkma*, древнелитовская форма *liekmi*) – неспешно двигаться, пропадать, сновать, распространять, разъединять [16, с. 669-670; 14]. Первый компонент может быть представлен префиксом *j-* или быть элементом местной огласовки. Реки Lik-uprus и другие встречаем в литовской гидронимии [17, с. 191], а также Лекма в бассейне Вятки.

Оленек (якутское Өлөөн) – впадает в море Лаптевых. По мнению исследователей, может происходить от якутского *олёнг* – тростянка [6, с. 309]. Предложенным термином довольно-таки трудно объяснить свойства реки. Между тем, в литовской гидронимии отмечаем реку Ulonas [17, с. 353]. Этимология гидронима может восходить к глаголу *ulenti*, *-ina* – гнать, двигать, точить (тупить), шуметь [14]. Отсюда и первоначальные огласовки Элян, Елён и т. п.

Пясина – впадает в Карское море. Исследователи склоняются к версии происхождения от эвенкийского *пясда* – безлесая [6, с. 347]. Хотя остается непонятным, какие же реки являются лесными, ведь в реках лес не растет. Этимология рассматриваемого гидронима может быть связана с глаголом *pěšinti*, *-ina* (куратив *pešti*) – тянуть, двигаться, хлестать (*mušti*), рвать [14].

Селенга – впадает в озеро Байкал. В основе гидронима, по представлению исследователей, лежит эвенкийское слово *сэлэ* – железо [6, с. 378]. Пospelов утверждает, что месторождения железных руд где-то там обнаружены, Никонов, напротив, отмечает, что железа там не найдено [5, с. 376]. Впрочем, наличие или отсутствие железа никак не влияет на характеристику реки, а использование «железного аргумента» указывает лишь на огласовку более древнего названия. В литовской гидронимии и топонимике встречаем Sel-upis, Seline и другие [17, с. 294]. В основе, по мнению А. Ванагаса, лежит глагол *sēlinti*, *-ina* (также *sēlinėti*, *-ėja*), восходящего к глаголу *selėti* (незаметно ползти, двигаться) и далее к глаголу *sálti*, *sála* (течь, струиться) с общим индоевропейским корнем *sel-* [11, с. 368, 393; 15, с. 899-900; 14]. Гидронимы с корнем Sal-/Sel- широко распространены в балтийском регионе [17, с. 287-289, 295].

Уда – правый приток Селенги; река в Хабаровском крае, впадающая в Охотское море; реки в Псковской, Иркутской, Кемеровской областях, Алтайском крае. Происхождение гидронимов не выяснено, предлагаются от этнонима уду, от эвенкийского *уда* – спокойная, тихая (для бурной реки), от предполагаемого тюркского термина, обозначавшего реку [6, с. 429]. Однако в балтийской гидронимии и топонимике встречаем Aud-upis, Ūda и другие однокоренные названия [7, т. 1, с. 144; 17, с. 51, 351]. Этимология рассматриваемого гидронима связана с формой балтского глагола *austi* - *ūdėti*, *ūdi* (*ūdyti*, *ūdo*) с широким спектром значений - (и немного, и сильно) хлестать, ткать, двигаться, стучать/шуметь, тянуть, молотить и т. д. [11, с. 71-72; 16, с. 35; 14].

Хатанга – река впадает в море Лаптевых. В качестве основы предлагается *катынг* – береза, *катанга* – березовая [5, с. 453; 6, с. 447]. И вновь отмечаем явное несоответствие характеристике географического объекта – река. Этимология восходит к равным по значению глаголам *katénti/katinti*, *-ēna/-ina* – точить, расстраивать, трепать, ерошить, хлестать [14] (сюда же и гидроним Катанга, дополнительно см. Катунь).

Хета – левая составляющая Хатанги (см. Кеть).

Яна – река в Якутии, впадает в море Лаптевых (см. Енисей).

Изучение гидронимов рассматриваемого региона показало, что их этимология связана с балтской языковой средой и отражена глаголами настоящего времени 3-его лица единственного числа. Можно выделить следующие основные характеристики рассмотренных гидронимов: двигаться/бежать/течь/вить, хлестать/драть/резать. Кроме того, от гидронимов восточно-европейских территорий здесь четче прослеживается наличие звукоподражательных характеристик движения воды – журчание, шум, стон, хлюпанье и т. д. Концептуально, мы видим семантическое родство изученных гидронимов с понятием река, русло, поток.

Изученные гидронимы европейской России (от Урала до западных границ), Белоруссии, Фракии вкупе с Сибирью позволяют предположить, что балтоязычные племена двигались в Европу примерно из Приамурья через Урал. Вместе с тем, мы отмечаем, чем восточнее территория, тем более архаичная словообразовательная модель в этимологии гидронимов. Так, если в западных регионах Евразии наблюдаются вполне современные формы, то уже восточнее Урала «улавливаются» в большинстве лишь корневые основы.

Направления древних миграционных потоков определены водными артериями Иртыш-Обь, Ангара-Енисей, Лена. Также, можно обратить внимание, что в Китае мы находим гидронимы по модели корень+*термин*, обозначающий реку, которыми выступают *-хе*, *-цзян* (Амуэрхе, Ханьцзян и т. д.). Такая схема указывает, что мы имеем дело с китайской огласовкой более древнего не китайского гидронима. Аналогичную словообразовательную модель мы встречаем и в других регионах, например, литовский (гидронимический корень+*urpis*), финский (гидронимический корень+*йоки*), тюркский (гидронимический корень+*су*), осетинский (гидронимический корень+*дон*) и т. д. Впрочем, выдвинутая гипотеза – это тема для новых исследований.

Этимология гидронимов не хуже генетики и археологии позволяет выявить миграционные потоки народностей. Углубленный анализ рассматриваемых гидронимов поможет определить и временной интервал появления тех или иных групп населения на Урале и в Сибири.

Библиографический список

1. Бурыкин А. А. Эрцес ~ Иртыш. К этимологии эпического и исторического гидронима // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований

- РАН. 2011. №1. С. 110-113.
2. Дульзон А.П. Топонимика Западной Сибири, как один из источников ее древней истории. Из истории Кузбасса. Кемерово, 1964. С.246-257.
 3. Есиль – голубая река. Газета «Тюменская правда». URL: <http://tyumpravda.ru/obshestvo-main/12029-esil---golubaya-reka>
 4. Матвеев А. К. Географические названия Урала: краткий топоним. слов. / А. К. Матвеев. Свердловск, 1987. 208 с.
 5. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
 6. Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь: Ок. 5000 единиц / отв. ред. Р. А. Агеева. 2-е изд. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2002. 512 с.
 7. Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. М.: Издательство "Наука", 1975–1990. Т. 1–5.
 8. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Издательство АН СССР, 1962. 271 с.
 9. Федченко О. Д. Балтская гидронимия Волго-Камского региона // Казанский лингвистический журнал. 2019. Т.4, № 2. С. 22-38.
 10. Федченко О. Д. Балтская гидронимия Русского Севера // European Researcher. Series A. 2020. Т.11. №1. С. 20-30.
 11. Derksen R. Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon. Brill. Leiden·Boston, 2015. 684 с.
 12. Karaliūnas S., Lie. čiutnas 'dailus, švarus, tvarkingas...', taūsti (-čia) 'ilgētis, liūdėti' ir jų giminaičiai // Baltistica. 1976. Т. XII. № 1. С. 85-94.
 13. Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Rīga: Avots, 2002. 670 с.
 14. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002]. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005. URL: <http://14.lt/>
 15. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern & München, 1959. 1183 с.
 16. Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego (Lietuvių kalbos etimologinis žodynas]. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2007. 823 с.
 17. Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. ["Etymological Dictionary of Lithuanian Hydronyms"]. Vilnius: Mokslas, 1981. 408 с.
 18. Zinkevičius Z. Lenkų-jotvingių žodynėlis? // Baltistica. 1985. Т. XXI. №1. С. 61-82